

УДК 303.446.4 (93)
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-746-757
Оригинальное исследование

«Пенсионеры, домохозяйки и другие граждане»: к вопросу о социальном составе православных верующих в СССР 1940–1970-х гг.

Апанасенок А.В.

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,
Россия, 117418, Москва, Нахимовский проспект, 51/21
E-mail: apanasenok@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена особенностям социального состава православно-ориентированных граждан в СССР послевоенного периода. Показано, что советский идеологический дискурс генерировал «закономерный» социальный портрет типичного верующего, наделяя его такими характеристиками, как пожилой возраст, дефицит образования, низкая степень вовлеченности в советские культурные и производственные практики. В то же время автор демонстрирует, что реальное положение вещей далеко не полностью соответствовало идеологическим установкам. Большую или меньшую степень приобщенности к православию демонстрировали представители всех основных категорий советского общества. При этом интерес к традиционной конфессиональной культуре со стороны интеллигенции усилился к концу советской эпохи.

Ключевые слова: история СССР, конфессиональная культура, православные верующие, статистика, социология религии

Для цитирования: Апанасенок А.В. 2023. «Пенсионеры, домохозяйки и другие граждане»: к вопросу о социальном составе православных верующих в СССР 1940–1970-х гг. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 746–757. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-746-757

«Pensioners, Housewives and Other Citizens»: to the Question of the Orthodox Believers' Social Composition in the USSR of the 1940–1970s

Aleksandr V. Apanasenok

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
51/52 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russia
E-mail: apanasenok@yandex.ru

Abstract. The work is devoted to the peculiarities of the social composition of Orthodox-oriented citizens in the USSR in the post-war period. It is shown that this problem was not only scientific or practical, but also ideological in the 1940–1970s. From the Marxist-Leninist point of view, the circle of social groups to which Orthodox citizens belonged should have been constantly narrowing. As a consequence, the Soviet ideological discourse generated a "natural" social portrait of a typical believer, endowing him with such characteristics as old age, lack of education, low degree of involvement in Soviet cultural and industrial practices. At the same time the author demonstrates that the real state of things did not fully correspond to ideological attitudes. Representatives of all the main Soviet society categories demonstrated a greater or lesser degree of communion with Orthodoxy. At the same time, interest in traditional confessional culture on the part of the intelligentsia intensified towards the end of the Soviet era.

Keywords: history of the USSR, confessional culture, Orthodox believers, statistics, sociology of religion

For citation: Apanasenok A.V. 2023. «Pensioners, Housewives and Other Citizens»: to the Question of the Orthodox Believers' Social Composition in the USSR of the 1940–1970s. Via in tempore. History and political science. 50 (3): 746–757 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-746-757

Введение

Советский Союз был атеистически ориентированным государством. На протяжении почти всего своего существования советская власть боролась с религией, усматривая в ней чуждую форму мировоззрения. Однако победа над религиозным сознанием оказалась далеко не таким простым делом, как это казалось воинствующим безбожникам 1920-х гг., поэтому после первых «штурмов» традиционной конфессиональной культуры, пришедшихся на довоенный период, ведомое КПСС государство перешло к ее долговременной «осаде». При этом индикатором успеха этой осады выступало отсутствие религиозных «предрассудков» у граждан, чье личностное становление произошло уже при советском строе.

«Религия – род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят ... свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь», – писал В.И. Ленин [Ленин, 1968, с. 142]. Эта цитата, часто воспроизводившаяся в СССР, показывает, почему для руководства страны был принципиально важен вопрос о социальном составе верующих. Наличие/отсутствие среди активных советских граждан людей, готовых потреблять «духовную сивуху», было симптомом успеха/неуспеха советского проекта как такового. В соответствии с канонами диалектического материализма, религия появилась как форма общественного сознания в силу несовершенства общественных отношений и массового невежества. Формирование справедливого социального строя (каковым считался социалистический) и распространение научного взгляда на мир (который должно было обеспечить советское образование) были призваны освободить граждан от потребности в «духовном забытии» и низвести религию в разряд отмирающих явлений. «Религия в советском обществе не имеет социальной базы, так как у нас ликвидированы классовый гнет, эксплуатация человека человеком, нищета и безработица ... Религия в нашей стране существует как пережиток прошлого», – можно было прочесть в типичной научно-популярной брошюре послевоенного времени [Худяков, 1951, с. 21].

Кто все-таки мог быть носителем «пережитков»? Разумеется, прежде всего, люди, сформировавшиеся при старом дореволюционном порядке, а также те, кто находился в арьергарде строительства нового мира в силу социального положения или недостатка образованности. Иными словами, пенсионеры, домохозяйки, не сумевшие получить приемлемого образования жители «сельской глубинки». Именно на них как основную социальную опору церкви указывали советские авторы, отмечая при этом ничтожное количество молодых и образованных верующих [Худяков, 1951; Тепляков, 1967; Сухов, 1973; Кобецкий, 1978]. Уже в середине 1960-х гг., по утверждению известного социолога М. Теплякова, религиозные люди среди студентов составляли только 1,7 %, а среди работников умственного труда – 0,7 % [Тепляков, 1967, с. 132]. По утверждению А. Стоун, хрущевская антирелигиозная кампания затевалась не столько как борьба с религией, сколько как борьба с «отсталостью» [Stown, 2008, p. 297].

Однако в последние годы существования СССР ситуация серьезно изменилась. В марте 1988 г. председатель Совета по делам религий (СДР) при Совете министров СССР К.М. Харчев заявил, что в стране до 70 % населения составляют люди, готовые признать себя верующими. При этом в православных храмах, говорил он, можно увидеть множество молодых людей [Религия и перестройка, 1988]. Что означало утверждение Харчева? Полную недостоверность предыдущих выкладок советских социологов, фундаментальные изменения в сфере общественного сознания в Советском Союзе или просто желание председателя СДР сделать отвечающее духу перестройки заявление? Ответ на этот вопрос ва-

жен для историка: требуя основательного анализа степени вовлеченности представителей разных социальных слоев СССР послевоенной эпохи в религиозные практики, он будет способствовать проникновению в глубины культурной истории страны новейшего времени. В данной статье автор стремится приблизиться к такому ответу, опираясь на данные по отечественному православному сообществу. Цель работы – рассмотреть особенности социального состава православно-ориентированных граждан СССР в 1940–1970-е гг., сравнив опубликованные выводы отечественных обществоведов и результаты наблюдений современников.

Объект и методы исследования

При подготовке статьи в сфере внимания автора оказалась часть советского общества, сохранявшая связи с традиционной православной культурой и проявлявшая их в тех или иных конфессиональных практиках. Объектом исследования при этом выступила совокупность материалов 1940–1970-х гг., отразивших сведения о социальной принадлежности православно-ориентированных граждан СССР. Это, во-первых, публикации отечественных социологов, начиная с хрущевского периода периодически оценивавших приверженность граждан к религии. Во-вторых, это документы Совета по делам Русской православной церкви (создан в 1943 г.) и пришедшего ему на смену Совета по делам религий (создан в 1965 г.) при Совете Министров СССР. Представители этих структур на местах осуществляли наблюдения за церковной жизнью, в том числе обращали внимание на половозрастной и профессиональный состав посетителей церковных служб и участников православных обрядов.

Обращение автора к нескольким послевоенным десятилетиям обусловлено его стремлением рассмотреть проблему социального состава православных граждан на фоне относительно длинного хронологического промежутка, отмеченного определенной эволюцией массовой психологии и культуры советского социума. Работа преимущественно имеет характер историко-социологического исследования, поэтому при ее подготовке активно использовался историко-статистический метод, в данном случае связанный со сбором количественных данных о представителях разных социальных категорий, приобщенных к православной культуре в рассматриваемый период. Изучая статистику, автор обращался к данным по традиционно «православным» республикам: России, Украине, Белоруссии (в случае с Россией в фокус внимания попали опять же исторически православные регионы). Также по мере необходимости использовались сравнительно-исторический и историко-генетический методы, а также метод исторической индукции.

Результаты и их обсуждение

Приступая к обзору данных о социальном составе православного сообщества в послевоенном СССР, прежде всего охарактеризуем картину, которую советские авторы стремились сформировать в массовом сознании. Как известно, в годы Великой Отечественной войны страна пережила религиозный ренессанс, поэтому называть какие-либо цифры, свидетельствующие об отказе подавляющего большинства граждан от религии вообще и православия в частности, отечественные обществоведы сороковых-пятидесятых годов не могли. Характерным приемом в таких условиях стало общее указание на приверженность к религиозным «пережиткам» наиболее отсталых слоев советского общества [см., напр.: Богданов, 1951; Худяков, 1951; Щуцкий, 1956]. Этот подход остался на вооружении и у более поздних авторов, в отличие от своих предшественников опиравшихся на социологические выкладки. В предназначенных для публикации работах неизменно указывалось на мизерную долю представителей «передовых» общественных категорий среди конфессионально ориентированных людей. Например, руководитель проведенных в середине 1960-х гг. (то есть после хрущевской антирелигиозной кампании, призванной

сильно уменьшить уровень религиозности в обществе) исследований М.К. Тепляков, показывая «победу атеизма» среди молодых людей, считал необходимым продемонстрировать зависимость успеха атеистической работы не только от возраста, но и от рода занятий молодежи. По его данным, среди молодых колхозников верующих оказалось 14,6 %, среди неквалифицированных рабочих – 13,4 %, военнослужащих первого года службы – 10,2 %, работников технического труда – 3,1 %, студентов – 1,7 %, работников умственного труда – 0,7 % [Тепляков, 1967, с. 132].

В 1978 г. известный социолог В.Д. Кобецкий констатировал относительно высокий уровень религиозности у жителей сельскохозяйственных регионов Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики (позже других присоединившихся к СССР, а потому по естественным причинам «отстающих» в социалистическом развитии). Уровень религиозности населения в промышленных центрах и их окрестностях, напротив, оценивался им как низкий: например, в Ленинградской области к убежденным верующим исследователем относилось 3–5 % занятых в производственной сфере граждан и около 10 % незанятых (пенсионеров, инвалидов, домохозяек). Этот же исследователь утверждал, что процент верующих выше «среди женщин, малограмотных и среди людей, которые не работают или работают эпизодически» [Кобецкий, 1978, с. 24–26].

Таким образом, советский дискурс генерировал «закономерный» социальный образ верующего в СССР, наделяя его такими характеристиками, как пожилой возраст, дефицит образования, низкая степень вовлеченности в советские культурные и производственные практики. Наличие в стране ограниченного количества конфессионально ориентированных людей такого типа не было проблемой для господствующей идеологии. Проблемой могла оказаться только приобщенность к религиозной культуре граждан, воспитанных в советское время и представлявших «передовые» социальные слои – советскую интеллигенцию и советских служащих, квалифицированных рабочих, учащихся.

Интересно отметить, что зарубежные исследователи, наблюдая за жизнью православных сообществ СССР извне, в вопросах оценки их социального состава до некоторой степени сходились со своими идейными оппонентами. Отрицая решительное падение религиозности и указывая на то, что православный мир представлен десятками миллионов человек, они признавали преобладание среди воцерковленных людей малоквалифицированных граждан, представлявших наименее привилегированные социально-профессиональные категории. «В плане социальном, – писал в 1957 г. постоянный автор православного эмигрантского издания Н. Струве, – церковный народ, несомненно, состоит из бедных слоев населения» [Струве, 1957, с. 25]. Однако причины такого положения вещей представлялись им иными. Если в рамках советского дискурса религиозность рассматривалась как следствие недостаточного приобщения к образованию и «чистой» советской культуре, то западные исследователи настаивали на необходимости поменять причину и следствие. Низкий образовательный уровень большинства верующих и их невысокий социальный статус предлагалось видеть в том, что советская власть закрывала для религиозных людей социальные лифты. «Все известно, что в Советской России, – писал тот же Н. Струве в 1957 г., – хорошее положение связано неизменно с политической благонадежностью. Привилегированный класс состоит из членов коммунистической партии или споспешников» [Струве, 1957, с. 25–26]. Религиозность крестьян он объяснял, например, не только их консерватизмом, но и той «безысходностью», в которую погружены жители колхозов. Примерно на тех же позициях позже стоял и известный американский советолог У. Флетчер: он связывал невысокий социальный статус среднестатистического верующего с дискриминацией, которую фактически осуществляла по отношению к нему советская власть [Флетчер, 1997, с. 29]. Впрочем, свои утверждения автор, известный критическим отношением к советскому строю, не подкрепил достаточным количеством фактов.

Фактами, несомненно, лучше владели специализированные структуры, созданные для контроля над религиозной жизнью в СССР. В 1943 г. был создан Совет по делам Рус-

ской православной церкви (СДРПЦ) при Совете министров, функции которого включали в себя мониторинг религиозной ситуации в стране и ее отдельных регионах. Собирать точные данные о социальном составе прихожан РПЦ и «сочувствующих» в обязанность уполномоченным СДРПЦ не вменялось, однако представители Совета в общих чертах писали о том, кто посещал богослужения. Из их донесений 1944–1946 гг. (когда в стране имел место сильный религиозный подъем) следовало, что ни о какой ограниченности социального состава православно-ориентированных граждан речи не шло. Так, в докладах и письмах СДРПЦ правительству и ЦК ВКП(б), обобщающих наблюдения 1944–1945 гг.¹¹⁶, а также в подборке информационных отчетов за 1945–1946 гг.¹¹⁷ в качестве участников церковных обрядов и служб кроме крестьян, домохозяек и пенсионеров постоянно упоминаются рабочие городских предприятий, студенты, курсанты, военнослужащие, педагоги, представители местных администраций. Как впоследствии (в 1951 г.) писал уполномоченный Совета по Курской области, «в этот период обстановка исключительно благоприятствовала церковникам для широкого распространения своего влияния среди населения»¹¹⁸. Соответственно, трудно было удивляться тому, что среди посетителей церквей было «много интеллигенции, служащих, молодежи, а среди них много мужчин»¹¹⁹.

Последние военные и первые послевоенные годы, как известно, ознаменовались массовой подачей верующими заявлений об открытии православных приходов. В случае удовлетворения соответствующего обращения учредители религиозного общества на некоторое время попадали в поле зрения СДРПЦ, который фиксировал их социальные характеристики. В информационном отчете 1946 г. в качестве характерных приводятся сведения об учредителях приходов Брестской области Белоруссии (к моменту составления документа здесь было зарегистрировано 133 прихода). Они представлены в таблице 1.

Таблица 1
Table 1

Социальный состав учредителей православных приходов в Брестской области в 1945–1946 гг.¹²⁰
 The social composition of the founders of Orthodox parishes in the Brest region in 1945–1946

	Пол		Социальное положение				Возраст				
	муж.	жен.	рабочих	служащих	крестьян	прочих	до 20	20–30	30–40	40–50	бол. 50
Кол-во	2 364	2 745	37	43	491	120	42	406	716	1 113	2 743
Доля в %	46 %	54 %	0,7 %	0,8 %	96 %	2,5 %	3 %	8 %	14 %	22 %	53 %

Из представленных в таблице данных видно, что учредителями православных обществ в Западной Белоруссии в подавляющем большинстве случаев выступали крестьяне (что закономерно, учитывая сельскохозяйственный характер региона), при этом среди них было несколько больше женщин, чем мужчин. С точки зрения возраста явно преобладали представители старшего поколения: люди старше 40 лет вместе давали 75 % всего церковного актива.

Можно ли считать вышеприведенные данные репрезентативными для оценки половозрастного состава православного сообщества СССР в целом? Доминирование женщин как среди учредителей приходов, так и среди верующих вообще выглядит более чем логичным, учитывая явное численное доминирование женской доли населения над мужской в послевоенные годы. Что касается преобладания пожилых людей, то оно представляется естественным именно в случае с регистрацией приходов: трепетное отношение к вопросам правильной организации церковной жизни всегда было характерно именно для представителей старших поколений. В число рядовых прихожан могли входить люди разных возрастов, однако «светил-

¹¹⁶ См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 29, 30.

¹¹⁷ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 63.

¹¹⁸ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 5027. Оп. 2, Д. 8. Л. 62.

¹¹⁹ Там же. Л. 64.

¹²⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 63. Л. 17.

ся» в первую очередь возрастной актив. Соответствующая статистика давала советским функционерам возможность утверждать, что религия становится делом «стариков».

На рубеже 40–50-х годов (во время «закручивания гаек» на идеологическом фронте) уполномоченные СДРПЦ стали обращать внимание на изменение пропорции мужчин и женщин, регулярно посещавших церкви: мужчин стало еще меньше. Видимо, это было связано с их большей вовлеченностью в советские социально-культурные и профессиональные практики. Например, курский уполномоченный СДРПЦ, ссылаясь на разговоры с духовенством, в 1951 г. отмечал, что постоянными посетителями церковных служб являются «почти исключительно женщины»¹²¹. Впрочем, это утверждение касалось рядовых богослужений. В праздничные дни в церквях присутствовали представители обоих полов, разных возрастов и разных общественных слоев. Вот, например, характеристика социального состава посетителей пасхального богослужения 1955 г. в храмах Курска: «В соборе ... на лестницах и в проходах по обоим этажам не менее 1 500 человек, среди которых значительное число сельского населения: женщин и мужчин с детьми и подростками. Как всегда, здесь среди молящихся много интеллигентных людей. Во всех церквях, кроме двух кладбищенских, заметно увеличилось число мужчин разных возрастов, в том числе и молодых, которых было примерно 20–25 % от общего числа молящихся. В Введенской, Троицкой, Николаевской, Михайловской, Успенской церквях и в соборе было много молодежи и детей. Так, в Успенской церкви из общего числа 1 500 человек я насчитал только в зимней церкви более 200 человек подростков»¹²².

В приведенном фрагменте справки уполномоченного СДРПЦ обращает на себя внимание констатация присутствия на службах большого количества молодежи, а также фраза «как всегда ... много интеллигентных людей». Такого рода факты были вызовом господствующим идеологическим постулатам, но, видимо, редкостью не были. Вот, например, характеристика участников традиционного крестного хода в том же 1955 г. в окрестностях того же Курска: «За три часа прошло более 15 тысяч человек. Это почти исключительно одни женщины, причем более одной трети молодые. Много интеллигентных, хорошо одетых женщин. Много подростков и детей, идущих с родными, а также и самостоятельно. В течение двух часов я насчитал среди проходящих паломников более 1 000 человек детей и подростков, примерно от 17 лет и моложе, главным образом девушек. Встречались и группы их по 10–12 человек вместе»¹²³.

Наличие погруженных в православную культуру представителей тех категорий, которые должны были, согласно идеологическим постулатам, отойти от религии, фиксировалось в разных регионах. Например, в числе двухсот граждан, подавших в 1960 г. заявления на обучение в пяти православных семинариях Советского Союза, было 93 рабочих, 17 учащихся светских образовательных учреждений, 10 служащих. Наиболее религиозная категория советских граждан – крестьянство – оказалась в данном случае представлена только 12 колхозниками¹²⁴. В церковных хорах в Москве в том же году кроме 150 пенсионеров (т. е. тех, кому участвовать в богослужениях считалось простительным) было выявлено более 50 действующих артистов, а также около 80 сотрудников научно-исследовательских институтов и учебных заведений¹²⁵.

Более обстоятельно к вопросам изучения социального состава верующих советские инстанции начали подходить в 1960-е гг. – период формирования концептуальных основ «научного атеизма» [Смолкин, 2021, с. 304–306]. Инициированные в регионах исследования давали разные с точки зрения количественных показателей сведения, однако неиз-

¹²¹ ГАКО. Ф. 5027. Оп. 2. Д. 8. Л. 62.

¹²² ГАКО. Ф. 5027. Оп. 2. Д. 26. Л. 52.

¹²³ Там же. Л. 55.

¹²⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1747. Л. 3.

¹²⁵ Там же.

менно указывавшие на более высокую религиозность сельских жителей. Так, исследование, организованное в 1965 г. в Калужской области, зафиксировало наличие 23,9 % верующих и колеблющихся среди не городского населения и 11,5 % – среди жителей областного центра [Лебедев, 1967, с. 41]. Аналогичный проект в Пензенской области привел к выводу, что уровень православной религиозности в селе превышает аналогичный показатель в городе почти в три раза (30,8 % и 12 % соответственно) [Курочкин, 1970, с. 77].

В 1966–1967 гг. воронежское отделение Института научного атеизма (ИНА) провело масштабное исследование религиозности городского и сельского населения в своем регионе (в опросах приняло участие 37,5 тыс. граждан), в том числе была поставлена задача получить более конкретное, чем раньше, представление о социальном составе религиозных (фактически – православных, учитывая конфессиональную специфику региона) людей. Исследователи получили картину более широкого распространения конфессиональной культуры, чем было принято считать, однако сформированные по итогам работы данные хорошо вписывались в идеологически выдержанную концепцию религии как явления, характерного для пожилых и малоквалифицированных людей. В частности, было установлено, что верующими себя считают 21 % рабочих и 31 % колхозников. Процент выявленных верующих среди служащих, работников сфер образования и культуры, а также иных, менее крупных слоев общества в отразившем результаты проекта документе Совета по делам религий (СДР) не указан, но, вероятно, был ниже. При этом среди высококвалифицированных рабочих верующих оказалось всего 2,5 %, а среди неквалифицированных – 40 %. Квалифицированные сельские кадры в лице механизаторов имели в своих рядах, согласно полученным сведениям, 6 % православных верующих, в лице животноводов – 11,5 %. Другие категории крестьянства оказались гораздо более религиозны. Среди пенсионеров Воронежа и Воронежской области верующими себя признали 53 %, среди домохозяек – 54 %, среди иждивенцев с физическими недостатками – 71 %. Обратили внимание исследователи и на гендерное распределение: по их сведениям, среди всех опрошенных мужчин верующими оказались 12 %, среди женщин – 34,5 %¹²⁶.

Пожилые и нетрудоустроенные люди (как правило, женщины-домохозяйки), конечно, составляли весьма значительную часть активных прихожан. Однако об абсолютном доминировании среди православно-ориентированных людей речь по-прежнему не шла: в шестидесятые годы даже в структуре приходских «двадцаток» они не всегда преобладали. В 1967 г. сотрудники СДР собрали сведения о социальном составе «двадцаток» в некоторых областях РСФСР, на Украине и в Белоруссии, для обозначения совокупности приходского актива использовал фразу «пенсионеры, домохозяйки и другие граждане». Данные представлены в таблице 2.

Таблица 2
Table 2

Социальный состав членов церковных «двадцаток» в некоторых областях и республиках СССР в 1967 г.¹²⁷

Social composition of members of the church "twenties" in some regions and republics of the USSR in 1967

Территория	Общ. кол-во членов «двадцаток»	Кол-во рабочих, колхозников, служащих	Кол-во пенсионеров	Кол-во домохозяйек
Брянская область	973	317	462	194
Воронежская область	1 168	310	606	241
Костромская область	1 303	332	818	153
Украина	89 522	49 095	23 171	17 765
Белоруссия	8 101	4 465	1 869	781

¹²⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 24.

¹²⁷ Таблица составлена по данным Совета по делам религий. См.: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 84.

Как видно из таблицы, в УССР, где находилось большинство православных приходов СССР, «двадцатки» более чем наполовину (54,3 %) состояли из трудоустроенных людей – рабочих, колхозников, служащих. Пенсионеры составляли в указанных органах примерно четверть членов (25,9 %), домохозяйки – 19,8 %. В БССР эти доли составляли соответственно 23 % и 9 %, тогда как задействованные на производстве и в других отраслях социалистической экономики более двух третей – 68 %. С другой стороны, в российских регионах (по крайней мере, тех, которые в данном случае попали в поле зрения СДР) совокупная доля пенсионеров и неработающих граждан в структуре церковного актива в шестидесятые годы была выше, чем доля трудящихся. Впрочем, эти данные нельзя трактовать как свидетельство малочисленности среди православно-ориентированных граждан представителей среднего поколения и молодежи, скорее они говорят о более жестком социальном контроле над ними в РСФСР по сравнению с западными частями страны.

Высокий уровень приобщенности (хотя бы поверхностной) к православию представителей разных возрастных и профессиональных групп показывали локальные обследования, проводившиеся методом сплошного опроса. Характерным примером тут может послужить исследовательское начинание курского райкома КПСС, реализованное в Ново-Поселеновском сельсовете Курской области. Здесь в 1971 г. были опрошены 7 тыс. человек, представлявших колхозное крестьянство, государственных служащих и рабочих. Полученные результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3
Table 3

Уровень приобщенности представителей разных социальных групп к православной культуре по результатам опросов в Курском районе 1971 г.¹²⁸
The level of representatives of different social groups involvement in Orthodox culture according to the results of surveys in the Kursk region in 1971

Особенность	Колхозники, %	Рабочие, %	Служащие, %
Верят в Бога	67,5	36,6	33,3
Не верят в Бога	17,5	53,4	66,7
Колеблются	15	10	–
Крестят детей	95	96,6	83,3
Отмечают православные праздники	90	90	83,3
Посещают церковь	55	16	–
Молятся	60	23,3	16,6
Имеют дома иконы	72,5	46,6	66,6

Отраженные здесь данные расходятся с той картиной, которую рисовали публиковавшиеся в советских изданиях социологические очерки: приверженность к традиционным православным практикам проявило явное большинство трудоспособного населения, при этом стремление крестить детей и отмечать православные праздники оказалось характерно для подавляющего большинства вне зависимости от социально-профессиональной принадлежности. В то же время результаты исследования 1971 г. продемонстрировали большую набожность крестьянства. Впрочем, это не означало, что тон среди верующих в позднесоветский период продолжали задавать сельские жители. Как справедливо замечает Д.В. Пospelовский, быстрый рост городского населения СССР в 60–80-е годы и миграция воцерковленного населения в город создали предпосылки для религиозного возрождения последнего [Пospelовский, 1995, с. 342].

Говоря о социальном составе православно-ориентированных граждан СССР в позднесоветский период и одновременно возрастающей роли города в сохранении православ-

¹²⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 638. Л. 147.

ных традиций, необходимо отметить рост количества сопричастных к конфессиональной культуре представителей интеллигенции, особенно молодой. Масштабное повышение интереса к православию со стороны работников образования, представителей творческих профессий, инженеров и ученых трудно подтвердить статистически (в доперестроечный период они нечасто оказывались регулярными посетителями церковных служб из-за очевидных нежелательных последствий), однако имеется масса свидетельств, что оно действительно имело место.

В 1971 г. немецкая газета «Байерский курьер» («Bayern-Kurier») опубликовала объемную статью «Молчаливая церковь Советского Союза», в которой доказывалось, что позиции РПЦ в СССР укрепляются за счет постепенного перехода на православные позиции интеллектуальных элит (симптоматичность публикации подтверждалась тем, что она подробно разбирается на страницах информационного отчета СДР за 1971 г.). Этот переход связывался с неудовлетворенностью образованных людей примитивной материалистической картиной мира, которая навязывалась властями. «Даже в прогрессивных кругах ученых Советского Союза отмечается тенденция найти нематериальную, духовную концепцию Вселенной. ... Среди таких лиц можно найти известных физиков, математиков, астрономов»¹²⁹. Автор статьи указывал на парадоксальность ситуации, констатируя, что все это происходит в атеистически ориентированном государстве в то время, когда на Западе религиозные убеждения населения все больше ослабевают. Аналогичную статью тогда же опубликовал французский журнал «Виват университет» («Vivat Université») ¹³⁰.

Конечно, утверждения европейских авторов начала семидесятых годов сами по себе не достаточны для серьезных выводов, однако имеются и другие свидетельства того, что они пытались доказать. Например, в том же 1971 г. известный советский религиовед П.К. Курочкин осторожно указал на небольшое, но постоянно увеличивающееся количество молодых интеллигентов, которые присоединяются к Церкви и даже становятся священниками [Курочкин, 1971, с. 108–111].

Доказательствами интереса молодой советской интеллигенции к православию являются случаи «подпольной» организации религиозно-философских семинаров в Москве и Ленинграде [Поспеловский, 1995, с. 358–359], резкое увеличение количества прихожан с высшим образованием, поступление таковых в семинарии. В приходе знаменитого настоятеля Дмитрия Дудко с 1961 по 1974 г. количество обращений граждан в веру в зрелом возрасте выросло с 10 до 400 в год, при этом неопиты представляли в основном образованные слои общества: к началу 70-х среди них стали преобладать люди с высшим образованием. К концу того же десятилетия три четверти учащихся Ленинградской семинарии были либо взрослыми новообращенными, либо вернувшимися к вере людьми, имевшими за плечами опыт обучения в светских учреждениях высшего образования [Шкаровский, 2010, с. 373–374]. Свидетельством факта распространения православного мировоззрения в среде интеллигенции являются также статьи в центральной прессе, обличавшие «антисоветскую» моду [Свобода религии и клеветники, 1977; Хованский, 1977, с. 245]. Наконец, тяга интеллигенции к конфессиональной культуре проявилась в характере советской литературы позднесоветского периода (многие представители которой в 1970-е гг. стали обвиняться Советом по делам религий в «идеализации православия») ¹³¹, а также соответствующем читательском интересе [подробнее см.: Юрчак, 2021; Апанасенок, Пудякова, 2022].

Заключение

Особенности социального состава верующих в СССР (и в том числе пути его формирования) на протяжении послевоенных десятилетий оказывались не только научной или

¹²⁹ Цит. по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 801. Л. 44.

¹³⁰ Там же. Л. 120.

¹³¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 801. Л. 120.

практической, но и идеологической проблемой. Подобно тому как численность верующих в соответствии с постулатами марксизма-ленинизма должна была неуклонно сокращаться, в теории должен был сужаться и их социальный состав. Наличие среди конфессионально ориентированных граждан пенсионеров, а также людей, не стремящихся активно приобщаться к советским образовательным и культурным практикам, в принципе соответствовало господствовавшему в стране идейному дискурсу; иные факты ставили этот дискурс под сомнение. Принадлежность верующих к тем или иным социальным слоям оказывалась благодатной темой для умозрительных рассуждений как сторонников, так и противников советской системы, обычно представлявших реальность схематически. Картина социальной принадлежности православно-ориентированных граждан, формировавшаяся в ходе конкретных наблюдений/исследований на местах, выглядела куда более сложной.

Популярное в советский период представление о том, что приверженность религиозной (и в том числе православной) культуре – преимущественно удел пенсионеров и домохозяек, может быть признано относительно верным лишь если иметь в виду церковный актив, то есть людей, регулярно посещавших службы, входивших в «двадцатки» и т. п. Если говорить о менее системной приобщенности к православию, то ее на протяжении 1940–1970-х гг. в той или иной степени демонстрировали представители практически всех слоев советского общества. При этом интерес к традиционной конфессиональной культуре со стороны интеллигенции, неоднократно фиксировавшийся уполномоченными СДРПЦ в послевоенное десятилетие, отнюдь не сошел на нет, а, напротив, усилился к концу советской эпохи.

Список источников

- Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 5027 – Уполномоченный совета по делам Русской православной церкви по Курской области.
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991 – Совет по делам религий при Совете Министров СССР.

Список литературы

- Апанасенок А.В., Пудякова И.С. 2022. «Любовь моя – разрушенная церковь ...»: роль художественной литературы в сохранении конфессиональных представлений гражданами СССР в позднесоветский период. *Провинциальные научные записки*. 2 (16): 5–12.
- Богданов Б.А. 1951. О преодолении религиозных предрассудков в сознании людей: Материал к лекции. М.: Знание. 26 с.
- Кобецкий В.Д. 1978. Социологическое изучение религии и атеизма. Л., Изд-во ЛГУ. 118 с.
- Курочкин П.К. 1970. К обществу, свободному от религии. Процесс секуляризации в условиях социалистического общества. М., Мысль. 278 с.
- Курочкин П.К. 1971. Эволюция современного русского православия. М., Мысль. 270 с.
- Лебедев А.А. 1967. Конкретные исследования в атеистической работе. М., Политиздат, 70 с.
- Ленин В.И. 1968. Полное собрание сочинений. М., Гос. изд-во полит. литературы. Т. 12.
- Поспеловский Д.В. 1995. Русская Православная церковь в XX веке. М., Республика. 511 с.
- Смолкин В. 2021. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. М., Новое литературное обозрение. 552 с.
- Сухов А.Д. 1973. Религия как общественный феномен. М., Мысль. 144 с.
- Струве Н. 1957. Религиозная жизнь в Советской России. *Вестник русского студенческого христианского движения*. Париж-Нью-Йорк. 47: 22–27.
- Тепляков М.К., 1967. Победа атеизма в различных социальных слоях советского общества (по материалам конкретных исследований в Воронежской области). *Вопросы научного атеизма*. Вып. 4. М., Мысль: 130–156.
- Флетчер У. 1987. Советские верующие. *Социологические исследования*. 7: 28–35.
- Хованский Н. 1977. Письмо Н. Чаковскому. *Вестник русского студенческого христианского движения*. 122: 245–247.

- Худяков С.Н. 1951. О преодолении религиозных предрассудков. Кишинев. 32 с.
Шкарковский М.В. 2010. Русская Православная Церковь в XX веке. М., Вече. 478 с.
Щуцкий С.Р. 1956. Происхождение и сущность христианских праздников. Минск, Знание. 29 с.
Юрчак А. 2021. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. 6-е изд. М., Новое литературное обозрение. 661 с.
Stone A. 2008. "Overcoming Peasant Backwardness": The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union. *Russian Review*. 2: 296–320.

References

- Apanasenok A.V., Pudyakova I.S. 2022. «Lyubov' moya – razrushennaya cerkov' ...»: rol' hudozhestvennoj literatury v sohranении konfessional'nyh predstavlenij grazhdanami SSSR v pozdnesovetskij period ["My love is a ruined church...": the role of artistic literature in the preservation of confessional ideas by citizens of the USSR in the late Soviet period]. *Provincial'nye nauchnye zapiski*. 2(16): 5–12 (in Russian).
- Bogdanov B.A. 1951. O preodolenii religioznych predrassudkov v soznanii lyudej: Material k lekcii [On overcoming religious prejudices in people's minds: Material for the lecture]. Moscow: Znanie. 26 p. (in Russian).
- Kobeckij V.D. 1978. Sociologicheskoe izuchenie religii i ateizma [The sociological study of religion and atheism]. Leningrad: Izd-vo LGU. 118 p. (in Russian).
- Kurochkin P.K. 1970. K obshchestvu, svobodnomu ot religii. Process sekulyarizacii v usloviyah socialisticheskogo obshchestva [To a society free of religion. The process of secularization in a socialist society]. Moscow: Mysl'. 278 p. (in Russian).
- Kurochkin P.K. 1971. Evolyuciya sovremennogo russkogo pravoslaviya [Evolution of Modern Russian Orthodoxy]. Moscow: Mysl'. 270 p. (in Russian).
- Lebedev A.A. 1967. Konkretnye issledovaniya v ateisticheskoy rabote [Specific studies in atheistic work]. Moscow: Politizdat, 70 p. (in Russian).
- Lenin V.I. 1968. Polnoe sobranie sochinenij [The Complete Works]. Moscow: Gos. izd-vo polit. literatury. T. 12 (in Russian).
- Pospelovskij D.V. 1995. Russkaya Pravoslavnaya cerkov' v XX veke [The Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow: Respublika. 511 p. (in Russian).
- Smolkin V. (2021). A sacred space is never empty. A history of Soviet atheism. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 552 pp. (Rus. Ed.).
- Struve N. 1957. Religioznaya zhizn' v Sovetskoj Rossii [Religious life in Soviet Russia]. *Vestnik russkogo studencheskogo hristianskogo dvizheniya, Paris – New-York*, 7: 22–28 (in Russian).
- Suhov A.D. 1973. Religiya kak obshchestvennyj fenomen [Religion as a social phenomenon]. Moscow: Mysl'. 144 p. (in Russian).
- Teplyakov M.K. 1967. Pobeda ateizma v razlichnyh social'nyh sloyah sovetskogo obshchestva (po materialam konkretnykh issledovanij v Voronezhskoj oblasti) [The victory of atheism in various social strata of Soviet society (based on the materials of specific studies in the Voronezh region)] // *Voprosy nauchnogo ateizma*. Vyp. 4. Moscow: Mysl': 130–156 (in Russian).
- Fletcher U. 1987. Sovetskie veruyushchie [Soviet believers]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 7: 28–35 (in Russian).
- Hovanskij N. 1977. Pis'mo N. Chakovskomu [Letter to N. Chakovsky]. *Vestnik russkogo studencheskogo hristianskogo dvizheniya, Paris*, 122: 245–247 (in Russian).
- Hudyakov S.N. 1951. O preodolenii religioznych predrassudkov [About overcoming religious prejudices]. Kishinev. 32 p. (in Russian).
- Shkarovskij M.V. 2010. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v XX veke [The Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow: Veche. 478 p. (in Russian).
- Shchuckij S.R. 1956. Proiskhozhdenie i sushchnost' hristianskih prazdnikov [The origin and essence of Christian holidays]. Minsk: Znanie. 29 p. (in Russian).
- Yurchak A. 2021. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie [It was forever, until it was over. The last Soviet generation]. 6-е изд. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 661 pp. (in Russian).
- Stone A. 2008. "Overcoming Peasant Backwardness": The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union. *Russian Review*. 2: 296–320.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 26.03.2023

Поступила после рецензирования 15.05.2023

Принята к публикации 17.05.2023

Received 26.03.2023

Revised 15.05.2023

Accepted 17.05.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Апанасенок Александр Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Москва, Россия

Alexander V. Apanasenok, Doctor of Historical Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

 [ORCID: 0000-0003-4650-3730](https://orcid.org/0000-0003-4650-3730)